

СИСТЕМА ПРАВА: ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ

Часть 1. Представления о системе права в немецкой исторической и реалистической школах права и в российской дореволюционной юридической науке

Архипов Сергей Иванович

Профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), приглашенный профессор Университета «Париж-Нантер» (Париж, Франция), доктор юридических наук, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

В первой части статьи исследуются представления о системе права, сформировавшиеся в рамках немецкой исторической и реалистической школы права, а также в российской дореволюционной юридической науке. В результате анализа трудов немецких юристов автор приходит к выводу о том, что в 40–70-е гг. XIX в. в немецкой юридической науке был заложен фундамент теории системы права, определены основные проекции ее исследования: анатомическое строение (внутреннее устройство права, его элементы и связи между ними); происхождение (генетические связи, определяющие развитие системы и ее элементов); функциональные связи (правовая «физиология»). Кроме того, установлено значение «духа права», правового сознания народа, общих принципов, правовых понятий, логических конструкций для формирования права как интеллектуальной системы, логической и культурной целостности. Также намечены подходы к определению соотношения национального и всеобщего начал в праве, роли юридической доктрины, профессионального сословия юристов при создании национальных систем права и международного права. В российской дореволюционной юридической литературе идея системы права получила дальнейшее развитие. В трудах Н. М. Коркунова, Л. И. Петражицкого, Н. Н. Алексеева, С. А. Муромцева, других известных российских правоведов представления о системе права, сформировавшиеся в рамках западной правовой культуры, были творчески переосмыслены, созданы совершенно новые, оригинальные концепции внутреннего строения права.

Ключевые слова: система права, структура права, правовая материя, отрасли права, юридические институты

Для цитирования: Архипов С. И. Система права: зарождение и развитие теории. Часть 1. Представления о системе права в немецкой исторической и реалистической школах права и в российской дореволюционной юридической науке // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 4. С. 5–18. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_5.

THE LEGAL SYSTEM: ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE THEORY

Part 1. Ideas about the system of law in the German historical and realistic schools of law and in the Russian pre-revolutionary legal science

Arkhipov Sergey

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), visiting professor, Paris Nanterre (Paris, France), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

The first part of the article examines the ideas about the system of law formed within the framework of the German historical and realistic schools of law, as well as in the Russian pre-revolutionary legal science. As a result of the analysis of the works of German lawyers the author comes to the conclusion that in the forties and seventies of the XIX c. in German legal science the initial foundation of the theory of the legal system was laid, the main projections of its research were determined: the anatomical structure (the internal structure of law, its elements and the connections between them); origin (genetic connections that determine the development of the system and its elements); functional connections (legal «physiology»). In addition the importance of the «spirit of law», legal consciousness of the people, general principles, legal concepts, logical constructions for the formation of law as an intellectual system, logical and cultural integrity is established. Approaches to determine the correlation of national and universal principles in law, the role of legal doctrine, the professional class of lawyers in the creation of national systems of law and international law are outlined. In the Russian pre-revolutionary legal literature the idea of the legal system was further developed. In the works of N. M. Korkunov, L. I. Petrazhitsky, N. N. Alekseev, S. A. Muromtsev and other well-known Russian jurists the ideas about the legal system formed within the framework of Western legal culture were creatively rethought, completely new, original concepts of the internal structure of law were created.

Key words: system of law, structure of law, legal matter, branches of law, legal institutions

*For citation: Arkhipov S. (2023) The system of law: the origin and development of theory. Part 1. Ideas about the system of law in the German historical and realistic schools of law and in the Russian pre-revolutionary legal science. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 5–18, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_4_5.*

Представления о праве как единой, целостной системе формировались в юридической науке на протяжении нескольких столетий. Наиболее весомый вклад в создание основ теории системы права, на наш взгляд, внесли представители двух известных немецких научных школ в правоведении: исторической и реалистической. Ряд интересных идей по поводу строения права были высказаны основателем исторической школы права Ф. К. Савиньи. По его убеждению, непосредственной обителью права является общественное сознание: «Право, как и язык, живет в сознании народа»¹. Для изучения права как целостности, «великого единства» он предлагал использовать систематический метод. Суть его заключается в познании и изложении внутренней связи или родства, благодаря которому отдельные элементы объединяются в систему. При этом установление родства, которое имеет решающее значение в системе права, по его собственному признанию, зависит от исследователя правовой материи, его субъективной оценки².

Позитивное право согласно концепции Ф. К. Савиньи является народным правом, поскольку народ – это тот субъект, в котором и для которого оно существует. Не отдельные индивиды создают право, а единый «народный дух, совокупно живущий и действующий во всех отдельных людях»³. Следовательно, системное единство права обеспечивается не навязанной народу извне политической волей, не факторами технического характера (инкорпорациями, созданием сводов законов, сборников актов), а внутренним правовым сознанием народа, его общими представлениями. Право живет в сознании народа прежде всего в виде органической связи его институтов, в форме общих смыслов, идей и убеждений. Сохранение народного правового духа, единства права обеспечивается посредством традиции, преемственности при смене поколений.

Как полагал Ф. К. Савиньи, «телесной» формой духовной общности народа является *Государство*, с появлением которого одновременно задаются четко определенные границы единства⁴. Право, создаваемое государством, в его представлении высту-

¹ Савиньи Ф. К. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции // Савиньи Ф. К. Система современного римского права: в 8 т. М.: Статут, 2011. Т. 1. С. 132.

² Савиньи Ф. К. Система современного римского права. Т. 1. С. 267–268.

³ Там же. С. 282.

⁴ Там же. С. 286.

пает частью народного права, органическим его проявлением. Другая часть народного права – обычное право, обе части имеют одинаковую природу, они пронизаны единым «народным духом». Тезис, на наш взгляд, весьма спорный. Если на раннем этапе своего развития, в античный период, государство представляло собой в той или иной мере «народное достояние», то уже в период позднего Средневековья оно окончательно обособилось от «народного тела», что нашло отражение в теории государственного суверенитета. «Дух государства» затмил «дух народа», современные государства руководствуются в своей законодательной деятельности главным образом практической выгодой, а не идеей эфемерного «народного духа». Яркое тому подтверждение – заимствование германскими законодателями чужеродного римского частного права. Они легко переступили через дух и традиции своего народа, когда им это оказалось полезным, выгодным с практической точки зрения.

Сам Ф. К. Савиньи отстаивал необходимость рецепции римского частного права для правового быта германских народов, для их социально-правового прогресса. Таким образом, тезис автора «Системы современного римского права» о государственном праве как части, органическом элементе народного права представляется малоубедительным. Их правовое родство (лежащее в основе заявленного им систематического метода), по крайней мере, на позднем этапе их исторического развития, вызывает сомнение.

Закон, который устанавливается государственной властью, рассматривался немецким правоведом как «орган народного права»¹, его роль должна заключаться в дополнительной помощи и поддержке дальнейшего развития позитивного (народного) права. Ф. К. Савиньи исходил из принципа равноценности законодательного правотворчества и «чистого» правотворчества народа (обычай), однако он не уточнял, как практически обеспечить их паритет в рамках единой системы современного германского права.

В качестве отдельной части народного права в концепции немецкого юриста предлагалось выделить «научное право» (или «право юристов»). По примеру Древнего Рима нынешнее сословие знатоков права должно, по его убеждению, воплощать в современном праве дух народа, служить «искусству добра и справедливости». Профессиональному сообществу юристов должна отойти большая часть правотворческой деятельности народа, кроме того, наряду с собственно правотворческой деятельностью знатоки права призваны осуществлять чисто научную и просветительскую деятельность.

Еще одним самостоятельным элементом права как целостной системы, по замыслу Ф. К. Савиньи, является право народов. Он полагал, что духовная основа права народов аналогична той, на которой зиждется позитивное право одного народа. Между различными народами может возникнуть общность правового сознания, в качестве духовных скреп он называл племенное родство и общие религиозные убеждения². По сути, это идея расширения народного права за границы «народного тела», но она, на наш взгляд, не совсем соответствует его исходным представлениям о собственном «правовом духе» каждого народа. Идея национального правового духа скорее разделяет, чем сближает народы, она не вполне пригодна для формирования права народов.

Кроме того, следуя в русле римской традиции, немецкий правовед разделял право на частное и публичное (наряду с государственным правом). Однако в отношении церковного права он предлагал сделать исключение: не подчинять его государственной власти (как было принято в Древнем Риме), а рассматривать данную сферу права как самостоятельную, не относящуюся ни к частному, ни к публичному праву.

Что касается конкретной правовой материи, то Ф. К. Савиньи не ограничивался лишь анализом «народного духа», правового сознания народа. Право в объективном смысле, по его мнению, проявляется в видимой форме закона и устанавливаемой им правовой нормой, которая «господствует» над отдельным судебным решением. В свою очередь правовой институт как органическая целостность «господствует» над входящими в его состав элементами – правовыми нормами. Наряду с объективным

¹ Савиньи Ф. К. Система современного римского права. Т. 1. С. 296.

² Там же. С. 292.

правом им признавалось также право в субъективном смысле – правомочие. Отдельные правомочия представляют собой только особую сторону единого правового отношения, которое, как и правовой институт, имеет органическую природу¹, является живой клеточкой права.

Подытоживая, можно признать справедливым утверждение П. И. Новгородцева о внутренней противоречивости системы представлений Ф. К. Савиньи, о том, что его главная цель – найти моральное оправдание для исторического права – не была достигнута, им также не было проведено четкого разграничения между правосознанием и формально-юридическими нормами, т. е. правом, которое объективировано в законе². Тем не менее основные идеи немецкого правоведа о сущности права, его системе вызвали большой резонанс в научной среде, как в Германии, так и за ее пределами, стали основой формирования соответствующего направления в юридической науке.

В трудах другого представителя исторической школы права Г. Ф. Пухты понятие системы права получило дальнейшее развитие. Он отмечал, что наука права имеет две стороны: систематическую и историческую. Юридическое исследование не должно ограничиваться лишь одной из них. Систематическое познание права есть исследование внутренней связи, объединяющей отдельные части, элементы в правовое целое. Каждый из этих элементов не является самодостаточным, его следует рассматривать как принадлежность, часть целого, а целое – как тело, состоящее из органов, необходимых для его существования. Он сравнивал право с живым организмом, в котором, с одной стороны, имеет место разнообразие элементов, друг друга пред-полагающих и обуславливающих, с другой стороны, присутствует преемственность, проявляющаяся в последовательности развития целого и его частей³.

Историческое исследование права, как полагал Г. Ф. Пухта, можно понимать в узком и широком смысле. Юристы обычно изучают право отдельного народа, его историю изолированно от других народов, т. е. их понимание целостной системы ограничивается только национальным правом. Философия права исследует правовую историю отдельных народов как момент общей правовой истории человечества. Для системного анализа права юристам важно совмещать эти две проекции: изучать общие закономерности развития права и особенности права того или иного народа.

Систематическое познание, чтобы соответствовать критерию полноты, по мнению Г. Ф. Пухты, должно охватывать все части права. Но это лишь внешняя полнота, с внутренней стороны полнота исследования права как целостной системы означает познание его собственной природы, «идеи права», его принципов, усвоение родства юридических положений, понимание сути и последовательности (этапов) процесса происхождения каждого правового понятия (он именовал данный процесс «генеалогией понятий», рассматривал понятие как «живое существо»⁴, обособившееся от своего создателя, имеющее собственную жизненную силу). Принципы права имеют большое значение для формирования системы права, ее отдельных институтов: «Отцом юридических институтов можно назвать принцип права, мать – содержание, разнообразие людей и вещей; в этом последнем моменте лежит сторона необходимости в образованиях права, ее разум, свойство права как системы»⁵.

В системе права немецкий правовед выделял две отдельные подсистемы: систему юридических отношений и систему прав. Юридические отношения он рассматривал как отношения людей друг к другу. При этом человек в праве им понимался как субъект воли, следовательно, юридические отношения не есть фактические, а «только комбинации прав»⁶. Под правом субъективным Г. Ф. Пухта понимал общую волю, даю-

¹ Ф. К. Савиньи определял правоотношение как отношение между лицом и лицом, которое устанавливается правовой нормой; «в каждом правоотношении можно выделить две части: во-первых, материю, т. е. отношение само по себе, и, во-вторых, юридическое определение этой материи» (Савиньи Ф. К. Система современного римского права. Т. 1. С. 457). Сущность правового отношения он видел не во взаимодействии сторон, а в независимом господстве индивидуальной воли.

² Новгородцев П. И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба: Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. М.: Унив. тип., 1896. С. 98–99.

³ Пухта Г. Ф. Энциклопедия права. Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1872. С. 91–92.

⁴ Там же. С. 93.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 49.

щую лицу власть над предметом; права он подразделял, во-первых, на частные, публичные и церковные; во-вторых, права на вещи, на действия, на лица. Система прав берет свое начало из системы юридических отношений, обусловлена ею.

Представления о системе права получили новый импульс развития в рамках реалистической школы права. Наиболее заметный вклад в создание основ данной теории внес известный немецкий правовед Рудольф Иеринг. В понятии система права, по его мнению, отображается анатомическое строение права¹. Он, как и Г. Ф. Пухта, рассматривал внутреннее строение права по аналогии с живым организмом. В качестве частей, составляющих «правовой организм», он выделял: правовые положения, правовые понятия и правовые институты.

Внешнюю, наиболее заметную для взгляда исследователя часть права представляют правовые положения, они есть «вершина правового айсберга», то, что зримо и словесно выражено в форме долженствования, прежде всего в законе. Однако даже в этой части права есть свои невидимые элементы – скрытые, латентные правовые положения². Они становятся «осязаемыми» лишь посредством интеллектуальных усилий юристов, профессионального анализа учеными и судьями юридических текстов, интерпретации ими воли законодателя, применения в необходимых случаях приема аналогии, результатом которого выступает дальнейшее образование права.

Другая систематическая единица, элемент анатомического строения права, по Р. Иерингу, – правовые понятия. Они есть результат научного осмысления, мыслительной обработки правового материала, интеллектуальной «перегонки правовых положений». Правовые понятия, возникающие в процессе анализа правовых положений, не являются простыми мыслительными проекциями, отражениями последних; они – логический экстракт, продукт анатомического разложения и синтеза правовых положений. Понятия производительны: «В одном верно схваченном *понятии* заключается, быть может, практическое содержание десяти правовых положений»³. Таким образом, понятия в концепции немецкого ученого образуют второй уровень, более глубокий слой системы права – ее логическую подсистему.

И, наконец, самая большая единица, крупнейший элемент правового организма – правовой институт. Правовые институты образуют третий уровень в анатомическом строении права – его скелет. Это высшее состояние соединения, синтеза правовых элементов⁴, в которых отражается не только внутренняя логика права, его сущность, но и национальные особенности, характерные черты, свойственные праву того или иного народа. Каждому праву соответствует своя система, свой собственный правовой скелет правовых институтов, свои правовые понятия и положения.

Заметим, что в систему права Р. Иеринга вошли не только «правовые тела», созданные законодателем (правовые положения), но и результаты мыслительной переработки правового материала, логические конструкции, другие интеллектуальные плоды юридической науки. В его анатомической картине позитивное право сплелось с юридической доктриной, нормативные требования законодателя – с логическими построениями «жрецов права».

В концепции немецкого правововеда можно выделить и другие ценные идеи, имеющие значение для построения теории системы права. По его мнению, «в общем организме права действуют известные силы, которые определяют дух (в понимании роли „духа права“ взгляды Р. Иеринга частично смыкаются с взглядами Ф. К. Савиньи. – С. А.), склад и направление отдельных институтов... Только в этих направляющих силах и обнаруживается надлежащим образом единство и индивидуальность организ-

¹ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб.: Тип. В. Безобразова и К., 1875. Ч. 1. С. 21, 47. О значении анатомического разделения права, создания юристами конструкции системы права см: Иеринг Р. Юридическая техника / пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. СПб.: Тип. А. Г. Розена (А. Е. Ландау), 1905. С. 96–105.

² Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. С. 25.

³ Там же. С. 32.

⁴ Р. Иеринг полагал, что правовой институт «является не простым сборищем отдельных правоположений, касающихся одного и того же отношения, а чем-то существенно отличным от него. Положения права – материя, масса мыслей, они имеют лишь материальное существование, институты же права представляют собою существа, логические индивидуальности, юридические тела» (Иеринг Р. Юридическая техника. С. 66).

ма; если бы их не существовало, право было бы лишь сбором отдельных институтов»¹. Этот «дух права», «психический момент» не является частью, еще одним элементом анатомического строения правового организма, он не материален. Но его нематериальность не означает недействительность, он оказывает воздействие на все право, все его части, определяет качество, характерные черты правовых институтов, влияет на образование практических положений права.

Наряду с анатомическим строением права Р. Иеринг предлагал рассматривать право физиологически, т. е. с точки зрения осуществляемых правовым организмом функций. В познании функций права он видел ключ к истинному пониманию правовой анатомии, поскольку «цель органов лежит в их функциях»². Практическая пригодность всех элементов системы права имеет первоочередное значение, в этом смысле логическое построение права независимо от степени его совершенства является, по его убеждению, лишь второстепенным делом, служебным элементом – продуктом цели. Поскольку функция права имеет определяющее значение, то «мертвое» право – это не право, напротив, то, что осуществляет правовую функцию, даже будучи непризнанным, есть право. Однако если строго придерживаться данной позиции, то следует, на наш взгляд, согласиться с главным оппонентом Р. Иеринга – Г. Ф. Пухтой – в том, что внутренним элементом действующего права должно быть правовое отношение, в котором прежде всего заключена жизнь права.

Применительно к формированию системы права можно также отметить выдвинутую немецким юристом идею совмещения двух начал в праве: всеобщности и национальности. Р. Иеринг полагал, что до тех пор, пока наука не решится оба принципа рассматривать в качестве равноправных, она не будет в состоянии понять и рационально преобразовывать правовой мир. Для познания отдельного права, его устройства кроме национальных особенностей нужен более общий масштаб – учение о природе и форме права вообще³. По сути, данный тезис предполагает решение юридической наукой сложнейшей двуединой задачи: конструирования в качестве эталона идеальной модели анатомического строения права безотносительно к любым национальным особенностям (права вообще) и создания системы собственного национального права.

Таким образом, уже в 40–70-е гг. XIX в. в немецкой юридической науке благодаря усилиям представителей двух известных научных школ был заложен фундамент теории системы права, определены основные проекции ее исследования: анатомическое строение (внутреннее устройство права, его элементы и связи между ними); происхождение (генетические связи, определяющие развитие системы и ее элементов); функциональные связи (правовая «физиология»). Кроме того, установлено значение «духа права», правового сознания народа, общих принципов, правовых понятий, логических конструкций для формирования права как интеллектуальной системы, логической и культурной целостности. Также намечены подходы к определению соотношения национального и всеобщего начал в праве, роли юридической доктрины, профессионального сословия юристов при создании национальных систем права и международного права (права народов).

В российской дореволюционной юридической науке первые исследования по системе права появились во второй половине XIX в. Поскольку многие отечественные правоведы обучались в германских университетах, то заметное влияние на них оказали труды немецких юристов, в частности представителей двух вышеназванных школ. При этом следует отметить в целом критическое восприятие их идей российскими учеными, их стремление внести собственный вклад в построение теории системы права.

Так, свою версию внутреннего устройства права как целостной системы юридических норм предложил Н. М. Коркунов. По его мнению, система положительного права (правовых норм) является результатом жизненного, многовекового опыта различных поколений людей, продуктом их коллективного сознания, их культурным достоянием⁴. В каждом государстве действует своя, присущая только ему, система права со

¹ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. С. 37.

² Там же. С. 41.

³ Там же. С. 10, 19.

⁴ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 9-е изд. СПб.: Изд-во Н. К. Мартынова, 1886. С. 282.

всеми ее особенностями, характерными чертами, отличиями от других «правосистем» (термин Н. М. Коркунова). Право как система норм «есть продукт сознания людей, соединившихся в общении... обнимает лишь тех людей и те стороны человеческих интересов, стремлений, какие составляют содержание общения»; само право порождается человеческим общением, оно (право) «полагается в каждом отдельном общении самим же общением, как норма взаимных отношений его участников»¹. По сути, предложенное Н. М. Коркуновым понимание права и его системы можно определить, говоря современным языком, как коммуникативное², но с некоторыми оговорками.

На наш взгляд, в концепции Н. М. Коркунова заключено внутреннее противоречие: с одной стороны, он утверждал, что бытие права выражается в существовании не только юридических норм, но и юридических отношений (для него это две стороны права как единого целого: объективная и субъективная)³, с другой стороны, в систему права российский правовед включал только юридические нормы, в ней не нашлось места правовым отношениям как отдельной подсистеме. Исходя из его понимания права как формы социального общения, логично было бы включить в систему права наряду с юридическими нормами также правовые отношения как настоящую, «живую» реальность социально-правового общения людей.

К числу источников права Н. М. Коркунов относил обычай, судебную практику и закон. Обычное право он рассматривал в качестве первоначальной формы положительного права, при этом подверг критике господствующую в тот период позицию Г. Ф. Пухты, согласно которой юридический обычай отличается от простого обыкновения тем, что является внешним и притом сознательным выражением уже существующей в народном правовом сознании нормы. Н. М. Коркунов же утверждал, что юридический обычай возникает только тогда, когда у людей происходит осознание обязательности его соблюдения⁴. Отдельным источником права он называл судебную практику, которая занимает «среднее место» между обычаем и законом, сводит нормативный материал к одному логическому целому, стремится к научному осмыслению права. Третий источник – законодательство в широком смысле (законы, указы), т. е. акты государственной власти. Что касается «научного права» («права юристов»), то российский правовед отвергал его в качестве самостоятельного технико-юридического источника права.

Кроме нормы как первичного элемента системы права Н. М. Коркунов также выделял правовые институты (представляющие собой, по его мнению, отвлечение, абстракцию юридической формы от конкретного фактического содержания отношений: «Юридический институт служит как бы общим типом для всех отношений известного рода»⁵) и отрасли права. Он, как и многие другие представители российской дореволюционной юридической науки, отстаивал идею сохранения классического римского деления права на частное и публичное, при этом предлагал собственный критерий их разграничения – по объекту пользования (если объект можно поделить между заинтересованными лицами, то речь идет о сфере частного права, если же объект неделимый, т. е. в отношении него возможно только общее пользование, – это сфера публичного права). Кроме того, можно отметить, что при анализе источников права Н. М. Коркунов одним из первых в российской юридической литературе выделил *отрасли законодательства*⁶.

Весьма оригинальная концепция внутреннего устройства права была разработана в конце XIX – начале XX в. профессором Л. И. Петражицким. Сформировавшимся на тот период в российской юридической литературе (главным образом благодаря трудам Н. М. Коркунова) представлениям о системе права⁷ он противопоставил соб-

¹ Коркунов Н. М. Указ. соч. С. 284–285.

² В данном случае коммуникация понимается в широком смысле – как общение, взаимодействие людей, осуществляемое с помощью специальных юридических средств.

³ Коркунов Н. М. Указ. соч. С. 120.

⁴ Там же. С. 298.

⁵ Там же. С. 144.

⁶ Там же. С. 334.

⁷ Л. И. Петражицкий дает следующее определение понятия системы права, которое, по его мнению, на тот момент сформировалось в российской (дореволюционной) юридической науке: «Совокупность институтов, относящаяся к известной обширной области отношений или обнимающая все (официальное) право данного народа или (позитивное) международное право, называется системой соответственного

ственную версию строения правовой сферы. Исходя из той предпосылки, что право следует искать не во внешнем, материальном мире, а в области психических явлений, особых атрибутивно-императивных переживаний, он в качестве элементов, на которые разлагается и к которым сводится весь правовой уклад, выделял: 1) нормы права, 2) правоотношения, 3) права, 4) обязанности, 5) субъекты, 6) объекты прав¹. Правовые нормы, по убеждению автора психологической теории, – это не внешние правила, установленные органами государственной власти, а эмоциональные проекции человеческого сознания, интеллектуальные переживания людей, в которых сочетаются внутренние психические притязания и восприятие долга, обязанности совершить что-либо (обязательно-притязательные или императивно-атрибутивные нормы)². Он призывал разграничивать законодательные положения и нормы права; акты законодателя сами по себе не содержат нормы права, они, будучи осмысленными индивидами, представляют собой *нормативные факты*, на основе которых возникают императивно-атрибутивные нормы права.

Л. И. Петражицкий выступал против того, чтобы объективное и субъективное право рассматривать как качественно разнородные явления, чтобы субъективное право, исходя из особенностей его содержания, исключать из системы права. Действительно, в литературе дореволюционной, да и современной, с одной стороны, объективное и субъективное право относятся к общему правовому миру, с другой стороны, позитивистское правовое сознание в систему права включает лишь нормы права, так называемое объективное право. Субъективное право «играет роль логически ненормального привеска к „объективному праву“, чего-то вроде второй разновидности неизвестного или несуществующего рода»³. Поскольку у него другой субстрат, иная правовая материя, то ему нет места в системе права. Таким образом, позитивистская концепция системы права является внутренне противоречивой, непоследовательной: либо надо «изгнать» субъективное право из правовой сферы, либо найти ему место в системе права.

Осознавая эту внутреннюю противоречивость существовавших в тот период представлений о системе права, ахиллесову пяту позитивистского подхода к пониманию внутреннего устройства правовой сферы, Л. И. Петражицкий противопоставил ему идею однородного субстрата, единой материи всех элементов, составляющих правовую сферу. По его мнению, нормы права, правоотношения, субъективные права, обязанности, а также субъекты, объекты прав и нормативные факты есть части, элементы одной – психической – материи. Права и обязанности согласно его теории есть эмоциональные проекции, возникающие в психике человека. Субъекты права – это также не нечто телесное, физическое, а представления, существующие в сознании. Субъектами права могут быть не только проекции людей, но и божества, покойники, животные, куклы, реки, горы, звезды, камни, деревья и т. д. Соответственно, правовые объекты (объекты прав и обязанностей) также есть представления людей: объекты прав – представления объектов атрибутива, объекты обязанностей – представления объектов императива⁴.

Если сопоставить представления автора психологической теории права с традиционными позитивистскими взглядами, то границы его правового мира значительно шире тех, которые «установлены» сторонниками традиционного подхода. Субъективные и объектные представления, которые может генерировать человеческая психика, простираются далеко за земную орбиту, у них космический масштаб, поскольку в качестве мыслимых субъектов и объектов прав, обязанностей способны выступать любые мыслящие существа, объекты дальнего и ближнего космоса, вся Вселенная. Согласно позитивистскому подходу предметом права являются внешние отношения, объективированная в актах поведения воля субъектов; человеческие мысли, фантаз-

права» (Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1910. С. 322).

¹ Петражицкий Л. И. Очерки философии права. Вып. 1: Основы психологической теории права. Обзор и критика современных воззрений на существо права. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1900. С. 9–18.

² См.: Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб.: Тип. Т-ва «Екатерингофское печатное дело», 1909. С. 58–59.

³ Там же. С. 86.

⁴ Там же. Т. 2. С. 442.

мы, проекции сознания не входят в сферу права, не регулируются им. В систему же права Л. И. Петражицкого, напротив, входят психические явления, атрибутивно-императивные эмоции, переживания. Следовательно, у представителей этих воззрений на право принципиально различное понимание предмета права, его материи, состава элементов, внутреннего устройства правовой сферы.

Различие в подходах обуславливает несхожесть классификаций правовых явлений, их разделения на отдельные группы, виды, подвиды. Психологическая природа права, по мнению Л. И. Петражицкого, предполагает существование не только рационального, «разумного» права, но и неразумных, патологических представлений (правовой бред душевнобольных лиц), разного рода суеверий («суеверное право»), а также «детского права», «любовного права», различных видов маргинальных прав, не соответствующих официальным законодательным требованиям («дуэльное право», «право преступных сообществ» и др.).

Автор психологической теории права в качестве одного из главных, «верховных» делений права на виды предлагал различие интуитивного и позитивного права. Критерий их разграничения – наличие или отсутствие в соответствующих атрибутивно-императивных переживаниях привязки (ссылки) к нормативному факту¹. Если такая привязка есть, то данное переживание следует отнести к позитивному праву, если она отсутствует – к интуитивному праву. Интуитивное право имеет индивидуальный характер, определяется конкретными жизненными обстоятельствами, а также эмоциональным настроением лица и не зависит от законодательных предписаний или существующих обычаев, судебных решений. С позиции Л. И. Петражицкого, интуитивное право есть справедливость, понимаемая как субъективное этическое переживание долга.

Позитивное право, напротив, имеет связь с законами, обычаями, судебными решениями, иными внешними источниками, авторитетными мнениями. Аtribuтивно-императивные переживания вызываются ими, но не прямо, а опосредованно – через нормативные факты. Российский правовед выделял следующие разновидности позитивного права: законное право, обычное право, судебное право, книжное право, право принятых в науке мнений, право учений отдельных юристов или их групп, право юридической экспертизы, право изречений религиозно-этических авторитетов (основателей религий, пророков, апостолов, святых и т. д.), договорное право, право односторонних обещаний и др.

Другим высшим делением права на виды («делением будущего» науки) Л. И. Петражицкий считал деление права на официальное и неофициальное. К первому виду он относил право, которое подлежит применению и защите со стороны государственной власти (при этом он исходил из идеи ее социального служения гражданам, их правам). Ко второму виду (неофициальное право) российский правовед относил право, которое лишено такой защиты государства, не применяется им. Он полагал, что официальное право имеет приоритет по отношению к неофициальному, является правом «высшего сорта» по сравнению с ним².

Что касается деления права на частное и публичное, то оно, по его мнению, в существующем виде с теоретической точки зрения *несостоятельно* и покоится на недоразумениях, но и в надлежащем, видоизмененном виде для теории права оно не будет иметь существенного, верховного значения. В качестве причин, по которым данная классификация еще сохраняется, не отвергнута юридической наукой, Л. И. Петражицкий называл: 1) невыясненность природы права; 2) отсутствие надлежащей классификации наук вообще и юридических в частности; 3) гипертрофию догмати-

¹ Л. И. Петражицкий отмечал, что под нормативными фактами (источниками позитивного права) «следует разуметь не внешние, объективные события, как таковые, а содержания соответственных представлений, представляемые факты, независимо от их действительного бытия» (*Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 2. С. 521*). Значит, нормативные факты – это не сами законы, обычаи, судебные решения, а их проекции в сознании индивида (субъективные представления о них). Однако, на наш взгляд, эту идею разграничения закона, обычая, судебного решения и нормативного факта он проводил в своей теории не всегда последовательно, нередко отождествляя закон (обычай, судебный акт) и нормативный факт (см., например, с. 533).

² *Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. С. 221.*

ки¹. Исходя из интеллектуального состава правовых переживаний лиц (их объектных представлений), он предлагал делить право на: а) социально-служебное или право централизации (в основе которого лежит альтруизм, забота об общем благе); б) лично свободное или право децентрализации (основанное на эгоизме, личном интересе). Таким образом, первоначально отвергнутое им деление права на частное и публичное получило в его работе психологическое обоснование, он подвел под него новый теоретический фундамент.

Интересные идеи о системе права, его внутреннем строении были высказаны Н. Н. Алексеевым. Основные его работы, посвященные праву, были опубликованы после 1917 г. (Введение в изучение права. М., 1918; Общее учение о праве. Симферополь, 1919; Основы философии права. Прага, 1924), но, поскольку значительная часть идей, содержащихся в них, сформировались еще в дореволюционный период, то их можно отнести к дореволюционной юридической науке.

Согласно представлениям Н. Н. Алексеева каждая положительная система права является единичной, неповторимой, она имеет свой собственный скелет, который состоит из интеллектуальной, умственной связи отдельных правовых положений². Существует система права действующего (позитивного), а также «может существовать и система права еще не действующего, но желательного и справедливого. Создание таковой системы есть своеобразная научная задача, не совпадающая ни с задачами объяснительного научного исследования, ни с задачами догматической юриспруденции»³. Эта система права должна быть логически стройной, разумной, соответствовать критериям справедливости, представлять собой цельную систему истин.

Рассуждая по поводу внутренней структуры права, российский правовед пришел к выводу о том, что право не сводимо к одному измерению (к совокупности норм или институту свободы, к особому социальному порядку и т. д.), феноменальная структура права представляет собой единство нескольких измерений.

Наиболее глубоким элементом структуры права является субъект, понимаемый не в традиционном для юридической теории смысле, а «как деятель, как носитель актов, обнаруживающих ценности, в частности, актов признания»⁴ (под признанием Н. Н. Алексеев понимал особое отношение к ценностям, интеллектуальное общение с ними). Существование правовых ценностей, их осуществление невозможно без такого деятеля, он является ключевым элементом структуры права. Субъект права объединяет в себе два начала: 1) деятельное, активное (субъект – лицо, которое осознает свои правовые интересы, обладает волей, совершает правовые акты); 2) признанная и охраняемая правопорядком ценность.

Вторым элементом структуры права, по концепции Н. Н. Алексеева, являются обнаруживающиеся в праве ценности⁵. Для него существование правовых ценностей – безусловное предположение, без них невозможно определение дозволенного и необходимого. Понятие ценности включает в себе идею совершенства, приближения к некоему идеальному состоянию, «соприкасаясь с ценностью, эмпирическое существование как бы утрачивает свое ничтожество, как бы выходит из пребывания в пределах бренности и выступает в область славы мира сего»⁶. Российский правовед отрицал наличие логической связи между идеей права и конкретной человеческой личностью, личность сама по себе не есть высшая ценность в праве, она может быть только носителем высших правовых ценностей.

¹ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 2. С. 649. Что касается заявленного им тезиса (с. 649), что деление на частное и публичное право даже в надлежащем, видоизмененном виде не будет иметь существенного, верховного значения, то можно отметить, что в другом параграфе (§ 59; с. 741) он уже признает за предложенной им модификацией данного деления (социально-служебное и лично свободное право) качество высшего деления права.

² Алексеев Н. Н. Общее учение о праве: курс лекций, прочитанных в Таврическом ун-те в 1918/1919 г. Симферополь: Тип. Е. К. Брешко-Брешковской, 1919. С. 6–7.

³ Там же. С. 17.

⁴ Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб.: Лань, 1999. С. 74. Подробнее о правовой теории Н. Н. Алексеева см.: Архипов С. И. Идея правового прогресса в трудах Н. Н. Алексеева // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 3. С. 5–14. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_3_5.

⁵ Алексеев Н. Н. Основы философии права. С. 74.

⁶ Там же. С. 101.

В качестве основной правовой ценности он признавал идею справедливости, которая заключается в том, чтобы воздавать всякому не в ущерб другому. В мире ценностей, полагал он, мы имеем дело с «объективным», иерархическим порядком, следовательно, в праве должна быть система соподчиненных ценностей, среди которых есть высшие ценности и низшие. Учитывая данный посыл автора, резонно было бы ожидать от него изложения его собственной версии пирамиды правовых ценностей, в которой заключена «логика предмета», однако вместо этого он предпочел заявить, что невозможно сформулировать закон справедливости для всех времен и народов, открыть формулу справедливости, поскольку «идеал общественной справедливости есть конкретное отношение реализованных ценностей. Процесс реализации во времени есть не идеальный, а чисто исторический процесс со своей особой исторической закономерностью. Он подчиняется не законам идеальной необходимости, но чисто опытным законам истории»¹. Таким образом, в его концепции произошел разрыв между «вечной» идеей права и порожденными отдельными историческими эпохами правовыми ценностями.

Третьим элементом правовой структуры, по концепции Н. Н. Алексеева, являются понятия правомочия и правообязанности, относимые им к основным определениям права. Они характеризуют специфическое правовое отношение ценностей: то, что дозволено (что можно «по праву»), является в правовом смысле ценным, оправданным; то, что должно сделать (правовая обязанность, долг), соответствует необходимости, правовому порядку, т. е. также имеет ценностное значение. Следовательно, правомочие и правовая обязанность заключают в себе не субъективную волю противостоящих друг другу субъектов права, а «нравственную необходимость ценностного порядка». Они есть элементы права как ценностной структуры.

Если в нравственных отношениях «posse» полностью сливается с «debere», что «можно» одновременно и «должно», то в правовом мире они существуют раздельно. В юридических отношениях «можно» и «должно» расщепляются на два самостоятельных элемента: правомочие и правообязанность. Однако их самостоятельность не означает отрыв друг от друга, они находятся в теснейшей взаимосвязи, корреспондируют друг другу: «Где нет правомочия, там нет и не может быть правообязанности... юридическими могут быть названы только такие обязанности, которым соответствуют некоторые правомочия»².

Такова в общем виде структура права с точки зрения Н. Н. Алексеева. По нашему мнению, в его представлениях о внутреннем строении права отсутствует главный элемент, стержень теоретической конструкции. Если право – это ценностная, иерархическая система, то автором данной концепции должна быть представлена иерархия правовых ценностей. Не культурно-исторических, обусловленных пространством и временем, национальными и иными особенностями, а всеобщих, заключающих в себе «разум предмета», «логику права». Без них «анатомическая» картина права, созданная российским правоведом, имеет незавершенный характер.

Интересная концепция внутреннего строения права была разработана известным отечественным ученым С. А. Муромцевым. При изучении правовой материи он исходил из той предпосылки, что задачей науки «не может быть отыскание системы норм, долженствующей руководить людьми... т. е. системы, более вечной и естественной, чем системы, существующие и существовавшие до сих пор»³. Он полагал, что юридическая наука должна служить жизни, исследовать правовую реальность, а не идеи, порождаемые сознанием людей. Современное же юридическое мышление находится под воздействием посторонних влияний, атаковано естественноправовыми идеалами. Столкновение идеалов с действительностью устраняет возможность двигаться по пути приспособления к обстоятельствам (как это, по его мнению, делали римские юристы), разрывает связь современных юристов с реальной жизнью.

С точки зрения С. А. Муромцева, право – это не идеалы добра и справедливости (естественное право) и не система норм, а совокупность юридических отношений⁴.

¹ Алексеев Н. Н. Основы философии права. С. 122. Н. Н. Алексеев не относил свободу и равенство к числу сверхличных ценностей, связывая их с человеческим эгоизмом, право, по его мнению, скорее призвано защитить порядок, иерархию, чем эгоистические устремления индивидов.

² Алексеев Н. Н. Основы философии права. С. 137–138.

³ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко., 1879. С. 8.

⁴ Там же. С. 48.

Юридическое отношение, исходя из его понимания, не следует отождествлять с правовым отношением: юридическое отношение является защищающим (обеспечивающим организованную защиту), правовое же отношение – защищаемое (юридически охраняемое). Организованная (юридическая) защита, которая не отождествлялась им с внешним принуждением, есть главное отличительное свойство права, его характерная черта.

Право в своей целостности, в единстве, по мнению С. А. Муромцева, представляет собой правовой порядок, т. е. совокупность прав (в смысле отношений). Правовой порядок включает в себя ряд правовых институтов (под правовым институтом он понимал совокупность многих однородных прав). Кроме правовых институтов в правовой порядок входят также отдельные, разрозненные и немногочисленные отношения, не сложившиеся в институты, «они представляют части правового порядка, зарождающиеся, вырождающиеся или случайно образовавшиеся и кратковременные»¹. Юридические нормы российский правовед не включал в систему правового порядка, они есть важный фактор его становления, исторического формирования, но не его элемент, не составная часть. Материя, субстанция правового порядка – только юридические отношения, обеспечивающие организованную защиту². Автор данной концепции относил себя к позитивистам, но не к тем, кто понимает право в традиционном смысле (как систему юридических норм), а к позитивистам особого рода, для которых реальное бытие права сводится к юридическим отношениям.

С. А. Муромцев признавал естественный характер деления права на частное и публичное, право в действительности, по его убеждению, делится на две указанные сферы, он отстаивал научную пригодность классической римской системы, полагая, что ее можно применить к делению юридических отношений. При этом он исходил из того, что «если все право есть порядок защиты, то различия в этом порядке суть единственные различия, которые должны лечь в основание его классификации»³, т. е. порядок защиты, с его точки зрения, есть главный критерий деления права на частное и публичное.

В дореволюционной российской юридической литературе были высказаны и иные точки зрения в отношении системы права, его внутреннего строения. Например, Г. Ф. Шершеневич под системой права понимал совокупность норм объективного права, составляющих единый правовой порядок, элементами которого являются частное и публичное право⁴. Е. Н. Трубецкой рассматривал систему права как совокупность нормативно-правовых институтов: «Совокупность институтов, составляющих вместе целый отдел объективного права или обнимающих право какой-либо общественной организации, например государства, называется *системой* права»⁵. Н. К. Ренненкампф полагал, что право представляет собой единую систему, которая находится в развитии, она не может быть законченной и постоянной⁶. Право, по его мнению, делится на части, отрасли и институты, в его состав входят три части: право частное (включает в себя право личное, имущественное, семейное, наследственное, а также отрасль торгового права), право публичное (включает в себя отрасли государственного права, финансового, уголовного, судебного, полицейского и церковного) и право межгосударственное (международное). Совокупность юридических норм, являющихся однородными с точки зрения их содержания и регулируемых отношений, представляет собой юридический институт⁷.

¹ Муромцев С. А. Указ. соч. С. 148.

² Что касается понимания правового порядка, его субстанции, то, с одной стороны, на с. 48 своей работы С. А. Муромцев определял право как «совокупность юридических отношений (правовой порядок)», но в других местах работы он дает повод усомниться в данном тезисе, в частности третий раздел он именовал: «Право, как защищенный порядок» (Муромцев С. А. Указ. соч. С. 159), но дело в том, что «защищенный порядок» и совокупность юридических, т. е. охраняющих, отношений – это не тождественные понятия. По сути, в «защищенном порядке» сливаются воедино юридическое (охраняющее) и фактическое (охраняемое) отношения.

³ Муромцев С. А. Указ. соч. С. 196.

⁴ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: в 4 вып. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1910. Вып. 3. С. 513–540.

⁵ Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1908. С. 83.

⁶ Ренненкампф Н. К. Юридическая энциклопедия. Киев: Т-во И. Н. Кушнерев и Ко., 1889. С. 211–213.

⁷ Там же. С. 49.

Таким образом, в российской дореволюционной юридической литературе представления о системе права, сформировавшиеся в рамках исторической и реалистической школ правоведения, получили дальнейшее творческое развитие. В трудах Н. М. Коркунова, Л. И. Петражицкого, Н. Н. Алексеева, С. А. Муромцева, других известных российских ученых идеи немецких юристов были критически переосмыслены, созданы совершенно новые, оригинальные концепции внутреннего строения права, разработаны принципиально иные подходы к пониманию системы права, что свидетельствует о высоком уровне развития дореволюционной науки, ее способности решать самые сложные теоретические и практические задачи.

Список литературы

Алексеев Н. Н. *Общее учение о праве: курс лекций, прочитанных в Таврическом ун-те в 1918/1919 г.* Симферополь: Тип. Е. К. Брешко-Брешковской, 1919. 162 с.

Алексеев Н. Н. *Основы философии права.* СПб.: Лань, 1999. 256 с.

Архипов С. И. *Идея правового прогресса в трудах Н. Н. Алексеева* // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 3. С. 5–14. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_3_5.

Иеринг Р. *Дух римского права на различных ступенях его развития.* СПб: Тип. В. Безобразова и К., 1875. Ч. 1. 309 с.

Иеринг Р. *Юридическая техника* / пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. СПб: Тип. А. Г. Розена (А. Е. Ландау), 1905. 106 с.

Коркунов Н. М. *Лекции по общей теории права.* 9-е изд. СПб.: Изд-во Н. К. Мартынова, 1886. 368 с.

Муромцев С. А. *Определение и основное разделение права.* М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко., 1879. 240 с.

Новгородцев П. И. *Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба: Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии.* М.: Унив. тип., 1896. 226 с.

Петражицкий Л. И. *Очерки философии права.* Вып. 1: Основы психологической теории права. Обзор и критика современных воззрений на существо права. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1900. 138 с.

Петражицкий Л. И. *Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1.* СПб.: Тип. Т-ва «Екатерингофское печатное дело», 1909. 318 с.; Т. 2. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1910. С. 319–758.

Пухта Г. Ф. *Энциклопедия права.* Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1872. 99 с.

Ренненкампф Н. К. *Юридическая энциклопедия.* Киев: Т-во И. Н. Кушнерев и Ко., 1889. 291 с.

Савиньи Ф. К. *О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции* // Савиньи Ф. К. *Система современного римского права: в 8 т. М.: Статут, 2011. Т. 1. С. 128–207.*

Савиньи Ф. К. *Система современного римского права* // Савиньи Ф. К. *Система современного римского права: в 8 т. М.: Статут, 2011. Т. 1. С. 247–499.*

Трубецкой Е. Н. *Лекции по энциклопедии права.* М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1908. 224 с.

Шершеневич Г. Ф. *Общая теория права: в 4 вып. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1910. Вып. 3. С. 513–698.*

References

Alekseev N. N. (1919) *Obshchee uchenie o prave: kurs lektsii, pročitannykh v Tavricheskom un-te v 1918/1919 g.* [The general doctrine of law: a course of lectures delivered at the Tauride University in 1918/1919]. Simferopol', Tipografiya E. K. Breshko-Breshkovskoi, 162 p.

Alekseev N. N. (1999) *Osnovy filosofii prava* [Fundamentals of the Philosophy of Law]. Saint Petersburg, Lan', 256 p.

Arkhipov S. I. (2021) *Ideya pravovogo progressa v trudakh N. N. Alekseeva* [The idea of legal progress in the works of N. N. Alekseev]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu»*, no. 3, pp. 5–14, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_3_5.

Iering R. (1875) *Dukh rimskogo prava na razlichnykh stupenyakh ego razvitiya* [The spirit of Roman law at various stages of its development.]. Saint Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova i K., part 1, 309 p.

Iering R. (1905) *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technique], transl. from German by F. S. Shendorf, Saint Petersburg, Tipografiya A. G. Rozena (A. E. Landau), 106 p.

Korkunov N. M. (1886) *Lektsii po obshchei teorii prava* [Lectures on the general theory of law]. 9th ed. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo N. K. Martynova, 368 p.

Muromtsev S. A. (1879) *Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava* [Definition and basic division of law]. Moscow, Tipografiya A. I. Mamontova i Ko., 240 p.

Novgorodtsev P. I. (1896) *Istoricheskaya shkola yuristov, ee proiskhozhdenie i sud'ba: Opyt kharakteristiki osnov shkoly Savin'i v ikh posledovatel'nom razvitii* [The historical school of lawyers, its origin and fate: The experience of characterizing the foundations of the Savigny school in their successive development]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 226 p.

Petrazhitskii L. I. (1900) *Ocherki filosofii prava. Vyp. 1: Osnovy psikhologicheskoi teorii prava. Obzor i kritika sovremennykh vozzrenii na sushchestvo prava* [Essays on the philosophy of law. Is. 1: Fundamentals of the psychological theory of law. Review and criticism of modern views on the essence of law]. Saint Petersburg, Tipografiya Yu. N. Erlikh, 138 p.

Petrazhitskii L. I. (1909) *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei npravstvennosti* [Theory of law and the state in connection with the theory of morality]: in 2 vols. 2nd ed., Saint Petersburg, Tipografiya Tovarishchestva «Ekateringofskoe pechatnoe delo», vol. 1, 318 p.

Petrazhitskii L. I. (1910) *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei npravstvennosti* [Theory of law and the state in connection with the theory of morality]: in 2 vols. 2nd ed., Saint Petersburg, Tipografiya M. Merkusheva, vol. 2, pp. 319–758.

Pukhta G. F. (1872) *Entsiklopediya prava* [Encyclopedia of Law]. Yaroslavl', Tipografiya G. Fal'k, 99 p.

Rennenkampf N. K. (1889) *Yuridicheskaya entsiklopediya* [Legal encyclopedia]. Kiev, Tovarishchestvo I. N. Kushnerev i Ko., 291 p.

Savin'i F. K. (2011) O prizvanii nashogo vremeni k zakonodatel'stvu i yurisprudentsii [On the vocation of our time to legislation and jurisprudence]. In Savin'i F. K. *Sistema sovremennogo rimskogo prava: in 8 vols.* Moscow, Statut, vol. 1, pp. 128–207.

Savin'i F. K. (2011) *Sistema sovremennogo rimskogo prava* [System of modern Roman law]. In Savin'i F. K. *Sistema sovremennogo rimskogo prava: in 8 vols.* Moscow, Statut, vol. 1, pp. 247–499.

Shershenevich G. F. (1910) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]: in 4 issues. Moscow, Izdanie Br. Bashmakovykh, is. 3, pp. 513–698.

Trubetskoi E. N. (1908) *Lektsii po entsiklopedii prava* [Lectures on the encyclopedia of law]. Moscow, Tipografiya skoropechatni A. A. Levenson, 224 p.